

- ⁵ См.: Бутовская М.Л., Файнберг Л.М. У истоков человеческого общества. М., 1994. С. 122.
- ⁶ Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994. С. 348.
- ⁷ Бубер М. Я и Ты. М., 1993. С.17.
- ⁸ Леви-Брюль Л. Указ. соч. С. 352.
- ⁹ См.: Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1983. С. 130–131.
- ¹⁰ См.: Старшая Эдда // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975. С. 214 – 215.
- ¹¹ Петрухин В. Мифы древней Скандинавии. М., 2001. С. 224.
- ¹² См.: Успенский Б.А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Избранные труды. М., 1996. Т. II. С. 72.
- ¹³ См.: Мифология древнего мира. М., 1977. С. 354.
- ¹⁴ См.: Мифы и легенды народов мира: В 3 т. М., 2000. Т.3. С.153.
- ¹⁵ Шуклин В. Мифы русского народа. Екатеринбург, 1995. С.161.
- ¹⁶ См.: Абаев В.И. Образ Вия в повести Н.В.Гоголя // Русский фольклор. М., 1968. Вып. 3. С. 115–117.
- ¹⁷ См.: Леви-Стросс К. Печальные тропики. М., 1984. С. 158.
- ¹⁸ См.: Золотарев А.М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964. С.60–62.
- ¹⁹ Фальк-Ренне А. Путешествие в каменный век. М., 1986. С. 132.
- ²⁰ Там же. С. 93.
- ²¹ Там же. С. 115.
- ²² Там же. С. 83, 147.
- ²³ Там же. С. 149.
- ²⁴ См.: Геродот. История: В 9 кн. Л., 1972. С. 216.
- ²⁵ См.: Фрезер Дж.Дж. Золотая ветвь. М., 1980. С. 405.
- ²⁶ См.: Джеймс У. В поисках фаллоса. Приап и инфляция мужского. СПб., 1996.
- ²⁷ См.: Мифы древнего Египта // Всемирная галерея. Древний Восток. СПб., 1994. С.19.
- ²⁸ См.: Кодзики: Записи о деяниях древности: В 2 кн. СПб., 1994. Кн. 1. С.40.
- ²⁹ См.: Евзилин М. Космогония и ритуал. М., 1993. С.145.
- ³⁰ Кодзики. Указ. соч. С.47.
- ³¹ См.: Элиаде М. Мифы. Сновидения. Мистерии. М., 1996. С. 211.
- ³² Дьяконов И.М. Архаические мифы Востока и Запада. М., 1990. С. 134.
- ³³ См.: Элиаде М. Миф о вечном возвращении. М., 1998. С. 42–43.
- ³⁴ См.: Евзилин М. Указ. соч. С.142.
- ³⁵ См.: Юнг К.Г. О психологии восточных религий и философий. М, 1994. С. 159.

УДК 130.2

ПАМЯТЬ, ЯЗЫК И СОЗНАНИЕ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР

И.В. Морозова

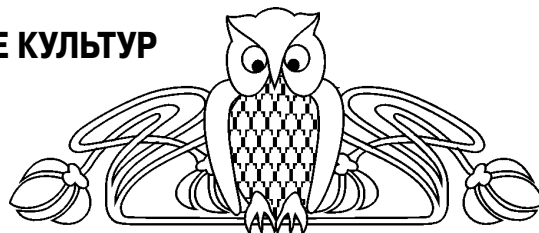
Саратовский государственный университет,
кафедра философии культуры и культурологии
E-mail: imorz@yandex.ru

Диалог культур является проявлением онтологической bipolarности культуры. Память, язык и сознание, проинтерпретированные в контексте полярной сопряженности двух модальностей функционирования языка в культуре – модальности языка как Знака и модальности языка как Символа, – выступают в качестве регулятивных принципов в диалогическом взаимодействии культур на бытовом и метафизическом уровнях. Динамика диалога культур и взаимосвязанные с ним внутрикультурные трансформации представляют собой модальные вариации отношения семиозиса и символизиса культуры. Значительная роль в установлении диалога и в обеспечении его динамики принадлежит онтологической направленности культуры как полярной традиции разворачивания архетипичного символического культурно-языкового содержания.

Memory, Language and Consciousness in the Dialog of Cultures

I.V. Morozova

The cultures' dialogue is a manifestation of ontological bipolarity of culture. Memory, language and consciousness interpreted in a context of polar conjugacy of two modalities of functioning of the language in culture – the modality of language as a Sign and the modality of

language as a Symbol – are represented as regulating principles in the dialogic interaction of cultures at the everyday and metaphysical levels. The dynamics of cultures' dialogue and the interconnected with it internal transformation cultural represent the modal variations of the relation between the semiosis and the symbolisis of culture. The significant role in the establishment of dialogue and in the maintenance of its dynamics belongs to the ontological orientation of culture as a polar tradition of deployment of the archetypal symbolical cultural – language contents.

Представляя собой воплощение способности человека к коммуникации как основания экзистенциального отношения между людьми, отношения между Я и Ты, в котором достигается осознание бытия, культура представляет собой «бесконечный и незавершимый диалог, в котором ни один смысл не умирает»¹, а наоборот имеет возможность актуализироваться, только соприкоснувшись с другим. Диалогичность культуры обеспечивает цельность и непрерывность ее диахронных связей, которые, при этом, не могут быть сведены ни к какому синтезу и интересны своей многозначностью. Это дает возможность рассматривать культуру в

качестве не генетической, коллективной памяти социума, уберігающей от забвения культурное прошлое, без которого невозможны целостность самосознания, полнота мировосприятия.

Культура всегда подразумевает сохранение предшествующего опыта, непрерывность нравственной, интеллектуальной, духовной жизни человека, общества и человечества в целом. Говорить о каком-либо синхронном срезе культурной организации, о ее состоянии в определенный исторический период времени невозможно, не учитывая пути, который она прошла в своем развитии, и который насчитывает тысячелетия, охватывает различные исторические эпохи и национальные культуры. Все тексты, составляющие содержательное поле культуры, к которым относятся не только литературные или публицистические произведения, но и любые действия, поступки, в их знаковом или символическом выражении, связанном с понятиями мотива, цели, стимула, степени осознанности и т.п., никогда не утрачивают полностью своей значимости. Культура объединяет, связывает в единое целое все элементы культурного опыта. Она является важнейшей и необходимой предпосылкой формирования культурного самосознания, оформления ментальности и национального характера.

Знаковые и символические элементы, составляющие внутреннее пространство культуры, постоянно пребывают в динамическом отношении друг к другу. Приходя из глубины веков, они меняют свои значения, приобретая новые, не утрачивая при этом памяти о своих предшествующих смыслах, передаются будущим состояниям культуры.

В отличие от физиологической памяти как способности «сохранять и воспроизводить информацию о внешнем мире и о своем внутреннем состоянии для дальнейшего ее использования в процессе жизнедеятельности»², помимо процессов запоминания, сохранения и воспроизведения культурная память обладает творческой способностью конституирования новых смыслов и значений, творения мира явлений. Все знаковые и символические выражения бытия, которые рождаются в рамках культуры, уходящие корнями в прошлое, выражающие настоящее или интуитивно отсылающие к будущему, становятся достоянием ее памяти.

Изначальная диалогичность культуры как памяти раскрывается в ответном характере предлагаемых ею смыслов и значений. Потенциально бесконечный смысл актуализируется, только соприкоснувшись с другим смыслом. Все, рождающиеся в рамках той или иной культуры, смыслы есть суть ответы на вечные вопросы в диалоге, предметом которого является бытие. Усилие культуры выразить себя обязательно воплощается по направлению к Другому, который не просто потребляет художественную продукцию, но выступает собеседником, тем, для кого выражение существует. Смыслонаправленность культуры ре-

ализуется в ее диалоге с Другим, чье присутствие необходимо для того, чтобы культурно-значимый выразительный жест имел место, был наделен смыслом и внедрился в бытие.

Смыслонаправленное движение представляет собой некую ось, объединяющую прошлое, настоящее и будущее, вдоль которой разворачивается культура в своем развитии. В поиске смысла бытия культура объединяет сменяющие друг друга поколения посредством литературы, философии, различных произведений искусства. Направленность на Другого, являясь сущностной особенностью культуры, раскрывается на всех ее уровнях: индивидуальном, коллективном, метафизическом и т.д.

Смыслообразовательная способность культуры как памяти неразрывно связана с феноменом языка, который представляет собой совокупность средств, знаков, форм, символов, позволяющих людям вступать в диалогические отношения друг с другом. Бытие, ответственное в той мере, в которой его вопрошают, сбывается именно в языковых формах. Любое событие или вещь становятся элементами памяти культуры, передаваясь от поколения к поколению посредством их словесного выражения. Под любым, даже внелингвистическим явлением может быть обнаружена его языковая основа, поскольку когда-то оно было названо.

Основополагающим моментом в осмыслении языковой обусловленности бытия культуры и ее способности к диалогу является полярность языка, раскрываемая через оппозицию знак – символ. Значение этого фундаментального способа трансляции информации не исчерпывается его наиболее распространенным определением как знаковой системы. Положения о знаковой природе языка, равно как и бинарной оппозиции: означающее – означаемое, разрабатываемой классической лингвистикой от Соссюра до современных французских функционалистов, недостаточны для того, чтобы объяснить особенности репрезентации мира каждой отдельно взятой культуры, неповторимости ее исторического опыта.

Выявленная благодаря структуралистским и семиотическим исследованиям феномена языка и социально-культурной действительности взаимозависимость языкового знака и рационального мышления раскрывает тот факт, что в основании всех рефлексивно-знаковых построений культурного сознания лежит чистая практика порядка и способов его поддержания³. В рамках семантического, синтаксического и прагматического означивания языковые знаки представляют природное бытие сквозь призму артефактов культуры, наделяя смыслами то, что первоначально этими смыслами не обладало, что могло осуществлять бесконечное количество сочетаний, не являясь означающим. Семиотические системы в культуре, складываясь в процессе деятельности социального сообщества в форме реализации функциональной

логики, играют заметную роль в культурной динамике. Они представляют собой такое выражение бытия, которое может быть довольно растянутым во времени, но никогда неспособно определить его раз и навсегда.

Отличительной особенностью такого элемента языка, как слово-знак является конвенциональность, случайная обусловленность кодируемой информации. Вариативность значений знака, возможная в рамках семиозиса, приводит к допущению подмены смысла, ввиду отсутствия в знаковой составляющей языка того, что составило бы смысловое ядро.

Исходя из этого, становится очевидным, что, хотя возможностей языка-знака как некоего метакода вполне достаточно для поддержания общей комбинаторики культурного существования, для обеспечения стабильности и цельности исторического бытия культуры требуются основания более прочные, нежели произвольные конструкции человеческого сознания.

Рассмотрим в качестве такого основания Символ, понимаемый, однако, не как специфический знак языковой системы, но как сакральный источник априорно данного культуре смысла, противостоящий объективированным формам бытия и институциям социума как бытие, которое больше самого себя⁴. Именно язык-символ, укорененный в исконное содержание доисторического мифа⁵, обладающая бесконечной смысловой валентностью, в раскрытии которой каждый семантический образ становится лишь новым препятствием, является такой силой, с помощью которой культура может противостоять искусственности и изменчивости рационально-знаковых построений. В символической составляющей языка заключаются экзистенциальные основания человеческой культуры, благодаря которым возможны процессы передачи через традицию культурного опыта, аккумуляции и трансляции знаний, приобретенных в следовании к Истине.

В отличие от семиозиса символизис не дан рефлексивным процессам мышления. Через культурное бессознательное он обнаруживает онтологическую взаимосвязность с сакральным содержанием культуры, с ее трансцендентальностью – мифом, зафиксированным в основании всей человеческой реальности. Культура, в этом нельзя не согласиться с М. Элиаде, имеет скрытые мифологические основания⁶. Всякая культура, будучи крипторелигиозной, является по сути криптомифологичной. Мифы, однажды возникнув в истории культуры, постоянно воспроизводятся каждым новым поколением. При этом они охватывают собой то содержание культуры, которое не может быть рационализировано. Они, указывая на полноту бытия, устанавливают онтологическую значимость вещей⁷.

Рациональные построения ни в коей мере им не противоречат, потому что именно мифы сохраняют присутствие в культурном опыте пер-

вичной реальности бытия. Суть их роли в культуре состоит не в передаче некоей суммы знаний или опыта, а в духовном воспроизводстве истинного, его символическом выражении. Мифы подразумевают в отличие от семиотических построений эволюцию предшествующих смыслов, а не исчезновение старых форм по мере возникновения новых. Символическое содержание культурных текстов, которое представляет собой некую неизбывную полноту смысла, не может быть воспринято при помощи однозначных выработанных и закрепленных социальной системой соответствий означаемого и означающего посредством какого-либо кода. В нем нет привычных излюбленных противоречий. Мифологическое мышление оперирует преимущественно образами, избегает прямых причинно-следственных связей. Это не означает, что мифу чужда логика. Но она не формальная, а метафорическая и символическая. Так в рамках мифологического текстового пространства снимаются обязательные для критически-аналитического метода оппозиции субъективного и объективного знания, реальности и видимости, жизни и смерти, сна и яви и т.п.

Кроме того, в нем заключается богатейший арсенал выразительных средств, наборы мирно уживающихся альтернатив и явное ощущение их условности, нежелание жесткого выбора, предпочтения чего-то одного. Здесь мы ни в коем случае не имеем дело с бессистемностью. Наоборот, именно в мифе представляется целесообразным искать самую настоящую полную и глубокую систему, но построенную на иных, интуитивных основаниях. В нем заключается некая скрытая истинность, которая сродни непостижимой тайне бытия. Причинно-следственным отношениям миф противопоставляет свою дуалистичность, восприятие мира, основанное на бинарных соответствиях, и обнаруживающее глобальную взаимосвязанность и взаимовыводимость. В то же время главным назначением слова и текста как элементов семиозиса является описание, изложение, систематизирование какой-либо информации. Составляющие символизиса призваны служить неким инструментом для перестройки сознания в движении к Истине. Слова как элементы языка-символа оказываются бесконечно богаче любого варианта своего употребления. Экзистенциальная значимость слова обнажается, если с него снять покров концептуальности, вернуть ему аутентичность. Слово как элемент символизиса, превосходящее представления правильного и ошибочного – это действительное бытие, за пределами мышления и сознания. Это познание Сущего, чистое и простое. Такое слово разрушает формальные логические конструкции, функционируя за пределами логических схем как пример негативного метода, согласно которому истинную реальность невозможно описать понятиями. Оно рассчитано на интуитивное постижение,

разрушающее установку на двойственность, на бинарное членение мира.

Исходя из вышесказанного, представляется возможным рассматривать семиозис как операциональную систему культурной памяти, существование и функционирование которой невозможно без фоновой составляющей памяти культуры – символизиса. Другими словами, память культуры охватывает не только различные знаковые и символические прочтения бытия, но и не явно выраженный, скрытый априорный его смысл, к которому культура постоянно апеллирует посредством символизиса. Обмен смысловой энергией между семиозисом и символизисом составляет, по сути, телос внутреннего диалога культуры и является необходимым условием ее процветания и развития. Онтологическая полярность культуры воплощается в диалектическом отношении коллективного с его обязательными семиотическими кодами и индивидуального с импульсами символического бессознательного.

Смыслы, заключенные в символах, не исчерпываются существующими значениями, закрепленными в сознании культуры теми или иными знаками. Каждая выбранная культурой на определенном этапе становления парадигма представляет собой лишь одну из версий значения, в которой культура проживает, прослеживает сакральные смыслы, заложенные в символах. Целостность бытия, не обозримая ни с какой выделенной в культуре точки, дается лишь в следе его символического смысла.

Представляя собой полярные способы разворачивания смысловой потенции априорных культуре сакральных мифологических текстов, семиозис и символизис в колебательном процессе динамики культуры олицетворяют собой ее тяготение в тот или иной момент либо к Знаку, либо к Символу.

Все формы образования жизни представляют собой, по сути, модификации смысла, объединенные единым символическим пространством, своего рода модуляции двухцентрового качания от Символа к Знаку, от сакрального содержания культуры к светскому. Столкновение разнонаправленных потоков поиска смысла задает необходимый импульс внутренней культурной динамики.

Всю информацию, необходимую для функционирования общества, культура фиксирует в общезначимой форме с помощью различных средств социального наследования: всевозможных текстов, знаковых систем, социальных отношений, норм поведения и прочее. С момента рождения человек оказывается погруженным в процесс функционирования знаков, предметов, несущих социально закрепленный способ оперирования ими. Путем кодификации обычаев, правил поведения, юридических норм культура преодолевает, структурирует излишнее внутреннее разнообразие. Возникает литература норм и предписаний, описывающая семиотическую практику данной

культуры в определенную историческую эпоху, которая лежит в основе ее картины мира, ее самоопределения, ее самосознания.

Основой для самоописания, неким метаязыком культуры в конкретный период времени становится частичная грамматика какого-то одного культурного диалекта, язык наиболее активной на данный момент социальной группы, так называемой духовно-политической элиты. Различные элиты, оперирующие своей стратегией власти и дискурсивных практик, взаимодействие которых определяет те или иные познавательные подходы к миру и бытию в мире, порождают определенную социокультурную реальность, выделяют объекты познания, а также ритуалы их постижения. Такие специфические комплексы «власти-знания» пронизывают все общество: от школы и семьи до казармы и светского этикета.

Такое структурирование сводит конкретные объекты и отношения к определенной модели. Акт социально-культурной коммуникации, отражая сложившийся идеологический универсум, оказывается подчиненным поступательному движению семиозиса, непрестанной переработке семиотических практик. Знаковая составляющая культурной памяти путем рационально-логических симуляций и перестраивания кодов маскирует объективную реальность, ограничивая, с тем, чтобы иметь возможность охватить ее в акте рефлексирования⁸.

Семиозис как некий принцип организации никогда не может быть единственно мыслимым. Он представляет собой реальность, определяющую способность социально-культурной общности некоторым, единым, доступным для всех ее членов, но постоянно изменяющимся способом организовывать, структурировать информацию, допускающую множество трансформаций.

Структурирование культурных узусов стремится свести содержание мысли к одному измерению, однозначному пониманию, исключаящему двусмысленность, оставляющему без внимания то, что не сказано, но могло быть сказано. Усиление структурной организации культуры влечет за собой сокращение запасов неопределенности, с которыми связаны ее гибкость, способность к повышению информационной емкости и резерв динамического развития. Внутреннее разнообразие памяти сковывается внутренней структурной организацией общества, все отчетливее дифференцируя локальные семантические поля субкультур, при выходе за пределы которых тексты нуждаются в некотором восполнении, комментировании.

Легитимация определенной речевой практики, претендующей на особый статус, узаконивающей «большую нарратацию» и социальные институты, оправдывающей определенное устройство общества, признание только одной формы рациональности, за которой на основании знаковой составляющей языка и культуры закрепляется «прескриптивный» характер, продиктованный

социальной практикой, ограничивает внутреннее культурное разнообразие, сковывает ее творческий потенциал смыслостроительства⁹. В многослойном тексте культурной памяти обязательно создается поле напряженности в результате столкновения центруемых ей явлений и подавляемых пограничных или даже маргинальных мотивов, противоположенных центру¹⁰.

Мифические образы и символы, всегда пребывающие живыми и общедоступными, позволяют культуре сохранять запас открытости и способности к диалогу. Через символическое содержание культура способна найти путь, ведущий в надисторический мир, освободиться, в той или иной форме, от оков знаковых систем. Символы, мифы, обряды помимо своей собственной истории могут дать ориентиры в ответах на предельные вопросы культуры. Символическая импликация не упраздняет конкретную и специфическую ценность связанного метафизического подхода к реальности. Символическое мышление взрывает непосредственную реальность, но не умаляет и не обесценивает ее. В моменты кризиса той или иной культурной парадигмы, когда старые знаковые тексты и коды не могут охватить и дать должного логического объяснения ситуации, на помощь приходят символические тексты, заключающие в себе частицу непреложной, всегда актуальной правды, достижимой посредством интуитивной формы познания.

Отношение семиозиса и символизиса можно рассматривать как преодоление устоявшейся системы представлений, укорененных в замкнутом пространстве оппозиций, путем их переворачивания, взламывания семантического горизонта, стратификации сублимированной традиционной системы, в этот момент в нее вторгается новый смысловой вариант, уже не допускающий понимания в прежнем режиме, и все это происходит с одной лишь целью – в определенный момент вернуться к тому, чтобы подчинить смыслонеправленную творческую деятельность присутствию некоей значимости, создать новые концептуальные следствия, новые текстово-знаковые образования. Разрыв, дезорганизуемый традиционный порядок, вводится при помощи языка-символа.

Опыт культуры как производная бытия-символизиса, укорененный в божественном разуме, имманентном всему и пронизывающему сущее своими творческими энергиями, получает свое бытие не от некоей внешней данности, а только в осознании субъектом своей сверхфактической, сверхпсихологической, сверхчеловеческой природы. Он дается в эстетическом переживании, в естественных религиях и искусстве, в христианском просветлении воли, а также в философии дискурсивно-логической по форме, но синтетической по содержанию, призванной приводить к единству теоретические мысли и все данные человеческого опыта.

Попытки противопоставить множественности значений реального мира, стремящихся объединиться в смысле одно, выделенное и закрепленное определенной парадигмой, постоянно наталкиваются на внутрикультурное противодействие, которое оказывается генетически связанным с субъективной сознательно-языковой деятельностью, представляющей собой стремление индивидуального сознания преодолеть культурные алгоритмы, выйти из колеи практик простой фиксации антиномий. Воплощением его становится живое слово, заключающее в себе, наряду с морфологическими особенностями знака, смысловую онтологическую связь между языком и реальностью. Оно способно обнажить окостенелость, механистичность светской культуры, высветить потерю гибкости в институтах общества и поведении человека.

Предельные вопросы, поиск смыслов бытия неразрешимы на уровне дискурсивного мышления, находящегося в плену формальных логических построений и навязываемых структурой четких, однозначных соответствий между означаемым и означающим. Однако символическая составляющая языка и культуры может помочь сознанию освободиться от гнета рациональных построений и вербально-знаковых структур, вызвать порыв к просветлению в творчестве. Сила истинного поэта, философа, творца заключается в том, что его слова творят действительность, вызывают ее, влекут за собой и раскрывают нечто реальное. Индивидуальная сознательно-языковая деятельность является мощным механизмом культурной саморегуляции. Развитие культуры как памяти социума определяется напряжением воли субъекта, степенью его устремленности к Истине.

Философия, литература, искусство, естественные религии, то есть такие культурные формы, которые менее всего связаны с понятиями пользы и потребительской ценности как производными рациональной знаковости культуры, пробуждают в человеке ирреальное, которое сдерживается рационально-коллективной надстройкой культуры, ее знаковым содержанием. Однако обрстая своими институтами, они могут перестать быть мифологической функцией культуры, превратившись в статический элемент ее структурной организации.

Историческое развитие культуры разворачивается между полюсами Знака и Символа. При этом рационально-знаковое и творческо-символическое состояния культуры не имеют четкого разграничения. Одно переходит и дополняет другое. Двухцентровость культурной памяти и языка, отражающаяся в рефлексивной и смысло-творческой деятельности культуры, определяет ее самосознание, а также отношение с другими культурами на бытовом и метафизическом уровнях. Процесс культурного сближения представляет собой этап общего исторического развития. Диалог культур,

их, пусть даже различное по активности, взаимовлияние – это процесс, обусловленный внутренне. Выбор той или иной культуры в качестве партнера для взаимодействия является следствием того, как в данный момент обе культуры коммуницируют и осознают себя, другими словами, через связку: память – язык – сознание. Особенности той или иной культуры как памяти являются следствием ее полярности, укорененной в языке, ее более выраженной способности к рационально-знаковому или интуитивно-символическому познанию.

Символическое содержание культурных текстов выступает в качестве того, что объединяет различные культуры в поиске смысла бытия, сближает их в процессе поиска ответов на предельные вопросы, несмотря на разное видение экзистенциальных проблем. Различие интерпретаций бесконечного, априорного, данного посредством символов смысла бытия, разворачиваемого в ходе эволюции той или иной культуры, служит основанием для возникновения их обоюдного интереса. Диалог культур, в таком случае, можно рассматривать как реализацию отношения двух отличных друг от друга традиций понимания, проживания архетипов, их взаимонаправленности, обусловленной различием опыта в решении фундаментальных вопросов бытия.

Значение, которое имеют диалогические взаимоотношения двух культур в преодолении внутрикультурного кризиса, также может быть раскрыто через оппозицию Знак – Символ. Привлечение новых, не обработанных собственной традицией смысловых вариантов, стимулирующих рефлексивную деятельность, временно устанавливает утраченное равновесие между символизмом и семиозисом.

Ограниченность подобного благотворного воздействия на культурную динамику неизбежна вследствие редуцирования и упрощения обменных процессов. Наличие сильной, четко структурированной традиции с хорошо отработанными механизмами тексто- и смыслообразования еще более затрудняет свободные творческие отношения. В таких условиях новые искания легко приобретают форму реставрации предшествующего культурного опыта. Культура, самосознание которой опирается на устойчивые рациональные мировоззренческие построения, вступая во взаимодействие, ищет, прежде всего, подтверждения или дополнения выработанной ей модальности смысла бытия. В партнере такую культуру прежде всего привлекает то, чего ей недостает для обеспечения внутреннего равновесия и стабильности. Поэтому из внешнего культурного контекста, и этому есть довольно много конкретных исторических подтверждений, заимствуются прежде всего элементы, наиболее подходящие к привычному содержанию, придающие ему еще большую структурированность, рационально понимаемую полезность. Заимствования, вызывающие наибольший интерес, могут довольно слабо

отражать глубинные национальные особенности «культуры-донора», но в то же время более всего соответствовать представлениям о ней принимающей стороны и ее потребностям. Так, культуру по преимуществу символического склада вполне могут заинтересовать рационально-знаковые достижения другой и наоборот.

Из этого однако не следует, что только культуры разнополярных состояний способны вступить во взаимодействие. Напротив, вполне возможен диалог двух культур-семиозисов, одна из которых или обе могут пребывать в состоянии кризиса, столкнувшись в процессе внутренней самореализации с осознанием исчерпанности смыслов, заложенных в них историей. Их взаимовлияние может вылиться в мирный или конфликтный обмен артефактами и симуляционными техниками.

Полярность и диалогичность внутренней динамики может привести к неоднократному взаимодействию культур. При этом формы и результаты их взаимоотношения могут варьироваться в зависимости от состояния их самосознания, тяготения культурной памяти к семиозису или символизису. Эволюция культурного самосознания или смена полюса тяготения может привести как к росту антагонизма между культурами, так и, наоборот, к установлению глубинных диалогических отношений.

Заманчивой представляется перспектива рассмотрения диалога культур как возможности свободного сакрального действия, объединяющего в творческом прорыве две культуры, черпающие из абсолютного мифа все необходимое для закладки фундамента новых возможных миров. Возможной предпосылкой для логического обоснования такого предположения может стать положение, выдвинутое Мунье, о том, что итогом истинного диалога непременно является новообразование, авторство которого невозможно определить. Это предполагает рассмотрение культурного взаимодействия, в результате которого не налаживается подлинный смысловой обмен, но лишь заимствуются необходимые элементы другой культуры, в качестве некоторого расширения поля внутреннего диалога культуры за счет привлечения и усвоения рационально отобранной информации. Установление же действительно диалогических отношений между двумя культурами представляется возможным лишь в случае символической направленности хотя бы одной из культур, тяготеющей в процессе рефлексирования мира и саморефлексии к сакральным смыслам, к поиску утраченной полноты бытия посредством символизиса.

Таким образом, диалог является проявлением онтологической биполярности культуры. Динамика диалога культур и взаимосвязанные с ним внутрикультурные трансформации представляют собой модальные вариации отношения семиозиса и символизиса культуры, а именно, – знаковой и символической составляющих культурообразую-

щих феноменов памяти, языка и сознания. Значительная роль в установлении диалога и в обеспечении его динамики принадлежит онтологической направленности культуры как полярной традиции разворачивания архетипичного символического культурно-языкового содержания.

Примечания

- 1 Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 372.
- 2 Философский словарь. М., 1991. С. 330.
- 3 Фуко М. Слова и вещи. М., 1994. С. 33–34.

- 4 См.: Флоренский П.А. Имена. М., 2003.
- 5 См.: Шеллинг Ф.В.И. Введение в философию мифологии // Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 159–375.
- 6 См.: Элиаде М. Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении; Образы и символы; Священное и мирское. М., 2000.
- 7 См.: Юнг К.Г. Душа и миф: Шесть архетипов. М., 1997.
- 8 См.: Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000.
- 9 См.: Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М., 1998.
- 10 См.: Деррида Ж. Позиции. Киев, 1996.

УДК 1:316

КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭНЕРГИЙНЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ ДИНАМИКИ СОЦИУМА

М.О. Орлов

Саратовский государственный университет,
кафедра религиоведения и философской антропологии
E-mail: filosof_sgu@mail.ru

Данное исследование является одной из первых попыток в отечественной философии осуществить целостный анализ проблемы социальной динамики в измерении современной философии. Вкладом в изучение данного феномена является определение универсальной категориальной сущности понятия динамики. В статье предлагается авторский вариант философского определения понятия «социальная динамика».

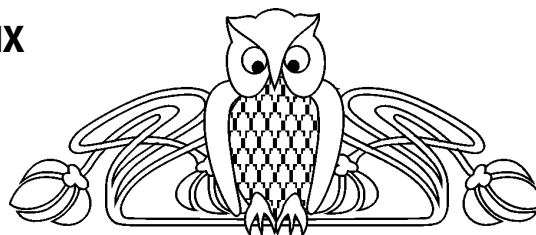
Categorial Analysis of Enerjial Components of Social Dynamics

M.O. Orlov

This research is one of the first attempts in our country to realize integrative analysis of the problem of social dynamics in the field of modern philosophy. Definition of universal categorial essence of the notion of dynamics makes contribute in study of this phenomenon. In the article the author's version of philosophical definition of the notion «social dynamics» is introduced.

Применение методологического принципа энергийности к решению задачи категориального обозначения механизма социальной динамики подводит к проблеме взаимопревращения личной и социальной энергии. Сущностной характеристикой динамики социальной эволюции является *самоорганизация*.

Отсюда, если рассматривать общество как иерархическую совокупность социальных групп¹, возникает вопрос, как синергетический эффект, получаемый от взаимодействия основных элементов структуры жизненного пространства человека, приводит к изменению целостной личности как совокупности социальных ролей. Иными словами, создается необходимость соединения психического и социального начал динамики социогенеза².

О. Конт определил базис социальной философии как генерализующей науки о социальном порядке (структуре) и социальном прогрессе (динамике). Позже Малиновский будет утверждать: истинная проблема заключается в том, как правила (порядок) приспособляются к «жизни», динамично изменяющемуся миру³.

В контексте посткласической парадигмы эту проблему можно сформулировать еще более отчетливо: каким образом человек влияет на способность социальной системы адаптироваться к новым условиям, на рождение нового порядка, сдерживающего энтропию социума. Понятие «адаптация» настолько важно в теориях социальной динамики, считает Э. Гидденс, что без него они теряют большую часть своей убедительности⁴.

Нельзя понять сущность социальной адаптации без познания всей цепочки энергообмена в социуме. Пока неясным остается важнейшее его звено – механизм воздействия динамики личностной энергии на энергетический потенциал социума, преобразующего природу, и обратный процесс – воздействие социальной энергии на формирование энергетического потенциала человека. Сегодня достаточно хорошо известны только процессы динамики (образования и трансформации) физической, химической, биологической энергий, хотя и здесь остается еще очень много вопросов. Механизм образования и взаимопревращения личностной и социальной энергий является пока неисследованным.

Отмеченный принцип энергийности позволяет раскрыть категориальные параметры современной *социо-синергетической методологии* и